

— Здравствуй, Михаил,— приветствовала старушка вышедшего на неё из-за поворота тропинки молодого человека.

Тропинка вилась среди высокой, уже начавшей чахнуть перед приближением осени травы, стебли которой доходили рослому мужчине до середины груди. Бабушка же в них утопала с головой, и Мишаня старушку не увидел, поэтому прозвучавшее пожелание здоровья для него было весьма неожиданным. Он вздрогнул всем телом, картинно перекрестился и затем, как неумелая карикатура, поклонился в пояс:

— Здрасьте, Марья Михайловна!

При поклоне из-за пазухи Михаила предательски выползла бутылка с мутной жидкостью, которую он пытался скрыть от прохожих. Бабушка внимательно изучила появившееся горлышко, завинченное алюминиевой крышкой, стеклянный изгиб между узкой и широкой частями бутылки, уходивший за полу потёртого серого пиджака, что мешком сидел на Мишане, и задала неожиданный, но до боли простой вопрос, который разоружил пьянчужку:

— Не можешь уже без неё-то?

При слове «неё» старушка слегка качнула подбородком по направлению к «заветной ёмкости».

— А...— растерялся Михаил.— Это... а, не... не...— дескать, не могу, отрицательно покачивая головой в ответ, вроде как соглашался с пожилой женщиной её собеседник.

Затем порыв стыдливости нахлынул на мужика, и он, молча поклонившись, теперь уже смущённо, поспешил ретироваться, заталкивая на ходу бутылку глубже под полу, чтобы её ещё кто-нибудь не увидел. Встреча как произошла неожиданно, так неожиданно и завершилась. Будто бы и не начиналось вовсе это мимолётное свидание. Мария Михайловна осталась стоять одна, прислушиваясь к звукам вокруг. В гулкой пустоте протяжную стрекочущую песню пел кузнечик. Подвывал ему и шелестел листьями и травой, стебли которой обложили со всех сторон пространство, тёплый ветер. Бабушка, как могла, втянула в себя воздух, который, казалось, повысил к исходу дня плотность и затекал в ноздри парным молоком. Затем долгим движением вытолкнула его из своих лёгких, словно сетуя на кого-то или кручинясь, и, опираясь на костыль, что держала в правой руке, неуверенным шагом продолжила свой путь по змеившейся на спуск к домам тропинке.

Костыль Мария Михайловна заработала не из-за травмы или перелома, а из-за слабости в ногах, что настигла её следом за смертью мужа, случившейся около двух лет назад, в финале перестройки. Бабушка оклемалась, но слабость так и не ушла. Врачи говорили, чтобы бабуля как можно больше ходила, тогда и силы вернуться, и ноги воспрянут к прежней жизни. Вот она и завела по звучавшим наущениям огородик в полторы сотки, что вместе с садовыми участками других жителей посёлка сторонился двухэтажных домов этого самого посёлка и располагался аккурат в трёхстах метрах ходу по обозначенной тропинке, на которой произошла описанная выше встреча.

На пути к огороду Мария Михайловна преодолевала не шибко крутой, но весьма неприятный подъём. Отсчитывая ногами расстояние, она часто и подолгу останавливалась, опиралась на костыль и стояла, отдыхала, оценивая на глаз количество шагов, которое ещё следовало сделать, чтобы выбраться на ровную местность. Добравшись до огорода, бабушка много времени там не проводила — силы не позволяли. Вот и в этот раз, прежде чем наткнуться на Мишаню, Мария Михайловна внимательно осмотрела ряды картофельной ботвы, тянувшиеся к солнцу в пять ровных частокотов, пошарила морщинистыми руками среди мяты и лука — авось что найдётся, повздыхала над кустами

смородины и крыжовника. Когда ритуал был завершён, старушка окинула свой «садочек» глазами, полными усталости с привкусом тягучей, опоясывающей нутро печали, после чего собралась с духом и отправилась в обратный путь.

Вечерело. Мишаня обустроил себе полянку в десятке метров от опустевших грядок, кое-как примяв траву по кругу. Часть грядок опустела в результате того, что их хозяева вернулись в посёлок, оставшаяся часть грядок опустела после умелой «подработке» на них Михаила. Молодой человек по-хозяйски раскладывал на подстеленную тряпочку-скатёрку, которую выудил из внутреннего кармана пиджака, сорванный лук, листья щавеля, ягоды смородины, зелёные плоды крыжовника — всё сгодится в закуску. С лука Михаил уверенно стряхивал землю, следом счищая её и с тряпочки-самобранки. Движением фокусника, достающего из шляпы зайца за уши, Мишаня извлёк всё из того же бездонного кармана пиджака гранёный стакан, а опосля и предательницу-бутылку. Всё было готово к вечерней трапезе. Мишка аккуратно, с большим почтением, свинтил алюминий со стеклянной резьбы.

Мутная бражная жидкость впадала в гранёную ёмкость. Затем из ёмкости устремилась в горло и желудок молодого человека, будто копировала Толмачёвский водопад. «Горькая пошла», — вынесло вердикт тело, хрустя луковыми головками. «Ещё горче», — продолжило оценивать тело второе и третье впадение. «Не можешь без неё-то?» — услышал Мишаня всё те же слова, но прозвучавшие как то отдалённо, отстранённо от него. «Эх, Марья Михайловна, — вздыхало тело. — Делать-то мне что?» — «Действительно, нечего», — кто-то заунывно поддакнул. «Ну, тогда за нечего!» — поднял Михаил тост, чокаясь с бутылкой. «Хороший „сэм“ Толька с Танькой жмут! — продолжило разговор тело, зажёвывая кислившим крыжовником. — Вырви глаз!» — «Из чего жмут-то? — задал кто-то вопрос всё так же отдалённо, отстранённо, и затем сам же на него поспешил ответить: — Из зубной пасты, небось». — «Или вот... ха-ха-ха... из кошки...» — вспомнил Мишаня бородатый анекдот. Его разодрал дурацкий нервный смех, прерываемый репликой: «Кисонька, ну ещё капельку...» Они, Мишка да Толька, когда давно, будто бы и не в этой жизни, вместе задорно смеялись над «кисонькой» и главным героем анекдота, который пытался выжать ту самую последнюю «капельку». Мишка да Толька

даже и не представляли, что вскоре сами займут место главного героя. Мантуровский биохим тогда ещё работал, и вместе с ним, с заводом, на нём работали и они, два друга — Мишка да Толька. Теперь же Толька с женой «жмут», гонят у себя в квартире «капельку» самогона, а Мишка скребёт деньги по сусякам, чтобы эту «капельку» покупать и потреблять.

«Хорошо сидим!» — расслабленно вздохнуло тело.

Отсмеявшись, он вспомнил, как на его смех реагировала Олеся. Олеся ему говорила: «Солнечный мальчик», — после того как слышала его смех. «Солнечный мальчик, солнечный зайчик». Говорила, говорила, да и выговорилась вся — нет Олеси. «Умерла?» — «Я умер». Пришли в голову слова: «Живёт в белорусском полесье...» После дикого хохота улыбка на лице тела появилась робкая, грустная. А глаза? Что глаза? В глазах прячется душа человека. Душа человека смотрела на тело своими глазами, в которых застыла печаль. Смотрела со стороны, чуть отдалившись.

Утро застало Марию Михайловну в трудах. Она раскатывала на ровной поверхности обеденного стола обсыпанное мукой тесто. Умеете делать чебуреки? Нет-нет, не полуфабрикаты из магазина жарить... полностью свои, домашние. Чтоб и муку с молоком и яйцами замешать, и фарш из говядины, свинины, лука и специй подготовить, вылепить формы, а затем завернуть фарш в раскатанное тесто и фигурным роликом в финале отрезать. Умеете? Мария Михайловна умеет. Уже как лет сорок умеет. Чаше к приезду гостей готовит, реже — для себя. Сын прислал телеграмму: «Приедем все. Встречай». На кухне дым коромыслом. Старушка рада: посетят её и внучата, и сноха, да и сам сыночек родной. Как давно она их не видела! Кто-то скажет: «Бабушка», — кто-то скажет: «Мама».

Скоро, уже скоро появятся в квартире дорогие столичные гости, заполнят звонкими голосами и радостным смехом опустевшее было гнездо. Мария Михайловна откроет все три комнаты, и на несколько дней свежее дыхание заполнит её дом, словно вернуться те времена, когда муж получал эту квартиру от завода для себя, для неё и для детей. Руки и ноги старушки ожили, словно заново родились, но самое главное — заискрились радостью, загорелись с новой силой весёлые огоньки в глазах.

На плите уже всюю шкворчала сковорода, заполненная до краёв маслом, с погружённой в неё первой партией чебуреков, когда на улице кто-то сотряс воздух. Хлопок был оглушительным, резким, вздыбливающим нутро. Жалобно тренькнули стёкла, угрожая осыпаться на подоконник, плотно заставленный горшками с комнатными растениями, и кафельный пол, закачалась люстра, шелохнулся тюль. К Марии Михайловне пришло детство, война. В сопровождении таких же звуков приближался к её селу алеющий западный горизонт. «Бесы» тогда не смогли добраться до села и покатались обратно в пекло, подгоняемые советскими воинами. Но страх воспоминаний остался и жил со старушкой все эти годы. «Господи Боже мой,— пронеслось у бабушки в голове.— Что такое? Что такое стряслось?» — придвинулась Мария Михайловна ближе к окну. На освещённой солнечным светом улице из окон квартиры дома напротив, что располагалась на первом этаже, клубами валил чёрный дым. Оконные рамы были вывернуты, будто бы искорёжены чьими-то огромными мускулистыми руками. Щепки, доски, куски кладки шлакоблоков, разбитые мелкие осколки стёкол, в которых переливались лучи солнца, — всё валялось на асфальте, создавая картину разрушения. Довершала эту картину женщина, завалившаяся на бок здесь же, в центре искусственного хаоса, и тоненько, практически по-детски, выводящая на верхней ноте стонущий звук «и». Казалось, её выбросило из взорвавшейся квартиры вместе с потоком энергии, порождённым где-то там, в недрах разрушенного жилища.

— Это ж Татьяна,— выдохнула Мария Михайловна, наконец-то признав женщину.

Спустя три дня хоронили троих. В первом гробу лежал Анатолий. Гроб был закрытый. Анатолий погиб, находясь в непосредственной близости от взорвавшегося газового баллона самогонного аппарата. Во втором гробу лежала его жена — до больницы Татьяну довезти не успели. Боль её всю съела. В третий гроб положили Михаила. Его нашли тем же днём, в десятке метров от огородов жителей посёлка, в обнимку с недопитой бутылкой пойла. Сердце Мишани устало, отказавшись идти дальше.